

УДК 808.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29

СОЗДАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ВНУТРИ ИСКУССТВЕННОГО МИРА: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК СИМУЛЯЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Кулакова В. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности функционирования синтаксических единиц, представить их добавочные значения, влияющие на общую семантику конструкции.

Процедура и методы. На основе компонентного анализа фрагмента текста романа «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина было определено влияние синтаксических категорий модальности, времени и персональности на восприятие читателем событий и целого мира литературного произведения, понимаемого как симуляция действительности.

Результаты. Было установлено, что синтаксические категории являются конструктами искусственного мира литературного произведения, в который автор помещает своих персонажей. Временная ось, заложенная в синтаксической структуре, создаёт условия для функционирования персонажей, а модальные компоненты отражают позицию автора.

Теоретическая и/или практическая значимость. Алгоритм анализа, представленный в работе, может быть использован для дальнейшего изучения образов персонажей в разных литературных произведениях.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, модальность, персональность, симуляция, синтаксис, темпоральность

CREATING REALITY INSIDE THE UNREAL WORLD: LITERARY TEXT AS A SIMULATION (ON EXAMPLE OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE GOLOVLEVS")

V. Kulakova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The goal of the study is to reveal the peculiarities of the functioning of syntactic units, namely, to imagine what additional meanings affecting the general semantics are contained in syntactic constructions.

Methodology. Based on the component analysis of a fragment of a literary text taken from M. Saltykov-Shchedrin's novel "The Golovlevs", the influence of syntactic categories on the reader's understanding of the events of the work is revealed. The categories of modality, temporality, and personality are considered in detail. A feature of the study is that the world described in a literary work is understood as a simulation of reality.

Results. It is found that syntactic categories are constructs of the artificial world of a literary work. Temporal attitudes embedded in the syntactic structure create conditions for the functioning of characters, and modal components reflect the author's vision in the text. In their totality, syntactic categories become the basis for creating an artificial world in which the author places his characters.

Research implications. The paper presents an analysis algorithm, in which attention is paid to syntactic categories in terms of their influence on semantics. It can be used for a more complete study of the images of characters in various literary works.

Keywords: M. Saltykov-Shchedrin, modality, personality, simulation, syntax, temporality

Введение

Восприятие реального мира происходит посредством органов чувств, и окружающая действительность осознаётся людьми как настоящая. Нахождение среди рукотворных вещей кажется совершенно естественным: со всех сторон предстают перед глазами рекламные лозунги, акции, видеофрагменты. Различение реального и нереального происходит будто бы само по себе. Но это не совсем так.

Ж. Бодрийяр, автор работ «Порядок вещей» и «Симулякры и симуляции», рассуждает о том, как происходит формирование действительности: он вводит широкое понятие симуляции, в котором она значится как «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [3, с. 5], и замечает, что «реальное и воображаемое существуют лишь на определённой дистанции», которая, в свою очередь, «оставляет место для проекции идеального или критического характера» [3, с. 164]. Из этого следует, что если автор создаёт модель, то он вкладывает в неё определённую цель – представление положительной («идеальной») и отрицательной («критической») стороны, т. е. одобрение или критику моделей реального мира.

Своё исследование теории Ж. Бодрийяр проводит на «порядке вещей», на действии рекламы, взаимосвязи спроса и предложения. Предметы существуют разрозненно, товары не подчинены законам, по которым обязательно становятся востребованными, однако в языке такие законы есть: «Поскольку язык не может быть ни предметом потребления, ни предметом частной собственности говорящих на нём, то в нём всегда остаётся возможным “существенный” синтаксис обмена (структурированность коммуникации)» [2, с. 205]. Таким образом, в языке «классификаторный порядок» [2, с. 206] осуществляется с помощью синтаксиса: он из хаоса создаёт единицы коммуникации. Поэтому синтаксический строй считается в исследовании основой, каркасом, к которому прирастают добавочные смыслы.

Законы реальности и их «действие» в литературном произведении

В художественном тексте объекты существуют так же, как и в реальности: они «привязаны» к определённым местам и временным промежуткам. Доказать, что законы организации времени и пространства действуют в объективно существующем и литературном мирах одинаково, не представляется возможным, однако выявить схожие черты и выбрать на их основе конструкты в качестве ориентира для анализа семантики реально.

Исследователями не раз описывался такой выявленный И. Ньютоном поразительный факт, что свойства планеты Земля и Вселенной подчиняются одним и тем же законам. Описывая его, К. Митио, автор книги «Параллельные миры: об условиях мироздания, высшем измерении и обустройстве космоса», приводя в начале рассуждения цитату В. Шекспира «Весь мир – театр», сравнивает окружающий мир со сценой: «Сцена жизни отныне уже не была окружена наводящими ужас небесными знаменьями; актёры подчинялись тем же законам, что и декорации» [8, с. 40]. Мир литературного произведения можно представить как своего рода симуляцию: в таком случае *роль актёров* отдаётся литературным персонажам, а *роль декораций*, окружающей действительности – созданному автором миру произведения, т. е. месту их действия.

Далее К. Мичио рассуждает о решениях парадоксов, связанных с открытиями И. Ньютона. Он отвечает на вопрос, почему небо чёрное и звёзды не могут осветить его: «Свету наиболее отдалённых звёзд не хватило времени, чтобы достичь наших взоров» [8, с. 44]. Возможно провести аналогию для художественного текста: такая темнота – как у чёрного неба – окутывает локацию, не описанные автором, ускользающие от взора читателя, следующего за шагами персонажей. При анализе категории *времени* в предложениях [6, с. 98], подкреплённом выводами Н. Д. Арутюновой [1, с. 78], подтверждается следующее: временная ось организует пространство и

предметы в литературном произведении таким образом, что они «привязываются» к ней, т. е. декорация с актёрами существует в определённой плоскости в том порядке, который ей диктует временная парадигма. Как и в случае со *звёздами*, те или иные явления не видны из-за различий во времени. Какие же сцены рисует своим читателям в романе «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыков-Щедрин и для чего?

Актёры и декорации романа «Господа Головлёвы»

Перед читателем предстаёт некое *пространство*: усадьба Головлёво, в котором обитают созданные М. Е. Салтыковым-Щедриним так называемые *головлята*. Действуют они в нескольких *локациях-декорациях*, не все из которых имеют какое-либо описание: 1) сама усадьба; 2) усадьба в Погорелке; 3) Петербург; 4) Москва. Основное действие происходит в Головлёве, остальные места лишены описания (рис. 1).

Все события происходят в Головлёво, жилой усадьбе, находящейся в уезде далеко от Москвы, в канун отмены крепостного права. Для проживающих в усадьбе людей – господ (в их центре находится Порфирий Владимырьч, по прозвищу Иудушка) – тревожно осознание грядущих изменений.

М. Е. Салтыков-Щедрин следовал идее: он хотел представить читателю, что человек, скрывшийся за «*маской празднословия*», т. е. за пустыми речами, подкреплёнными неправильными трактовками библейского смысла, не способный к труду, не может выжить в новом мире; он носит в себе только отрицательные черты и, изнурая других, существует. Лишённый возможности уничтожать, сам становится ничем¹. Сложная мысль передаётся щепетильному прописыванию образа Иудушки, успешное создание которого, по наблюдению учёных, было связано не только с творческим даром М. Е. Салтыкова-Щедрина, но и с его личными переживаниями: персонаж наделён чертами брата

писателя, Дмитрия. Сведения об этом находим у Е. С. Бушмина, исследователя творческого наследия писателя: «В гениальный художественный синтез лицемерия, ханжества, пакостничества и кляузничества, осуществлённый в фигуре Иудушки Головлёва, вошёл своими чертами Д. Е. Салтыков. В этом, между прочим, тайна той художественной чуткости, которую проявил Щедрин в обрисовке типа, столь далёкого от писателя по своему идейно-нравственному облику» [4, с. 157]. Следовательно, люди, похожие на Иудушку, существовали, и автор хотел показать, что с такими людьми должная статья: такой идее подчиняется созданный М. Е. Салтыковым-Щедриним персонаж.

В романе автор использует особые синтаксические конструкции. А. И. Ефимов, один из ведущих щедриноведов, выявляет следующие алгоритмы формирования речи персонажа: «В речи Иудушки Головлёва церковно-славянская фразеология играет весьма ответственную роль. Она выступает в качестве наиболее ярких и заметных атрибутов его речевого портрета. Подчёркнуто-старательная цитация изречений, сохранивших церковно-культурную окраску, и постоянное одевание в тот, так сказать, маскировочно-речевой халат» [5, с. 295]. Однако речь – это лишь один из элементов формирования полноценного образа.

Согласно представленной выше идее в предложениях, связанных с характеристикой Иудушки, выстраивается *пропозиция*. Идея пропозиции – семантического инварианта – была перенята лингвистикой у логики для обозначения общего смысла предложения, и, по замечанию Н. Д. Арутюновой, такой перенос был связан с интересом «к «фактическому» аспекту мира» и «к изучению значения предложения (понимаемого как знак события)» [1, с. 23]. Компонентами пропозиции являются *термы*, т. е. предметы, лица, явления и т. п., которые являются репрезентациями актёров, и *предикаты*, т. е. свойства, действия этих терм. Временные значения, заключённые в семантике предикатов, могут выражать «три типа соотнесённости с временным ориентиром – предшествование ориентиру, совпадение

¹ См. Прозоров В. В. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина в школьном изучении: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1979. С. 80.

Рис. 1 / Fig. 1. Декорации в художественном произведении / Decorations in a literary text

Источник: составлено автором.

с ним и следование за ним» [11, с. 169], поэтому стоит считать, что в этом компоненте пропозиции проявляется связь с осью времени (формальное значение времени у предикатов в предложении). Анализ обоих компонентов важен потому, что понятие пропозиции «даёт возможность разделить принципиально разные по своей природе элементы смысла предложения, которые в нём обязательно соединяются» [10, с. 116]. Следовательно, *единство компонентов* образует *единицу смысла*. Рассмотрим, как это происходит, на конкретном примере.

¹Отовсюду, из всех углов этого постылого дома, казалось, выползали «умертвия».
²Куда ни пойдёшь, в какую сторону ни повернёшься, везде шевелятся серые призраки.
³Вот папенька Владимир Михайлович, в белом колпаке, дразнящийся языком и цитирующий Баркова; вот братец Стёпка-балбес и рядом с ним братец Пашка-тихоня; вот Любинька, а вот и последние отпрыски головлёвского рода: Володька и Петька...⁴ И всё это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью...⁵ И над всеми этими призраками витает живой призрак, и этот живой призрак – не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлёв, последний представитель выморочного рода...¹

В представленном сложном синтаксическом целом описываются все *господа*, существовавшие в усадьбе: *Владимир Михайлович*, отец *Иудушки*, *Степан* и *Павел*, его братья, *Любинька* – племянница, *Володька* и *Петька* – сыновья. Место действия – *усадьба Головлёво*.

¹[Отовсюду, из всех углов этого постылого дома, | казалось | ^{вводный компонент}, выползали «умертвия»]. В первом предложении терм – *умертвия* (категория персональности – 3 лицо), его предикат – *выползали*. Читатель пока не осведомлён, кто именно скрывается под указанным термом. Время действия имперфективное (категория темпоральности – отмеченное прошедшее имперфективное синтаксическое время), следовательно, *пропозиция* предложения – движение призраков, динамичная картина прошлого с завершающимся, а длящимся действием. В предложении субъективная модальность эксплицирована вводным компонентом *казалось* со значением достоверности сообщения – возможности или предположения². Особенно важно, что субъективная модальность выражает «отношение говорящего к сообщаемому» [7, с. 103], а значит, авторская характеристика ситуации будет конкретизирована в последующих предложениях.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлёвы // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0015.shtml (дата обращения: 05.11.2021).

² Лекант П. А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие. М.: Академия, 2010. С. 185.

²(Куда ни пойдёшь), (в какую сторону ни повернёшься), [везде шевелятся серые призраки]. Во втором предложении три предикативных центра. Терм первого и второго не имеет формального показателя, его предикаты пойдёшь, повернёшь указывают на обобщённый характер грамматических значений синтаксического времени и лица. Таким образом, автор уточняет ситуацию, отдавая роль опущенного термина читателю, и – демонстрирует вездесущность второго термина этого предложения – призраков (категория персональности – 3 лицо). Его предикат – шевелиются – представлен в форме настоящего времени (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время), что несвойственно для общего тона повествования, ведущегося преимущественно в прошедшем времени. Такой временной сдвиг необходим, чтобы обобщить всю ещё не до конца детализированную ситуацию, т. е. дать читателю понять, что описываемые призраки до сих пор существуют: пропозиция предложения – движение призраков, динамичная картина настоящего с дядщимся действием.

³[Вот папенька Владимир Михайлович, в белом колпаке, дразнящий языком и цитирующий Баркова; вот братец Стёпка-балбес и рядом с ним братец Пашка-тихоня; вот Любинька, а вот и последние отпрыски головлёвского рода: Володька и Петька...] В третьем предложении детализируется терм первого: призраки – это все существовавшие господ Головлёвы, за исключением Порфирия Владимировича (категория персональности – 3 лицо). Предикаты в структуре ряда номинативных конструкций формально не обозначены, да и не нужны (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время). Пропозиция предложения – указание на конкретных лиц, призраков, обладающих атрибутивными и полупредикативными признаками. Динамичная картина возникает благодаря использованию частицы вот, принимающей «участие в передаче наглядного ... бы-

тийного значения с дополнительным указательным оттенком» [9, с. 61].

⁴[И всё это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью...] В четвёртом предложении обобщающий терм всё это – и усадьба, и господа (категория персональности – 3 лицо), а предикаты – описание их общих свойств (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время, представленное нулевой формой связки быть с нейтральным модальным значением обладания признаком). Пропозиция предложения – описание конкретных призраков, статичная картина пассивных предикативных признаков.

⁵[И над всеми этими призраками витает живой призрак], и [этот живой призрак – не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлёв, последний представитель выморочного рода...] Пятое предложение имеет новый терм – призрак 'Порфирий Владимирович', формально – два одинаковых термина, второй – уточняющий. Предикат первого – витает, второго – [есть] он (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время). Пропозиция предложения – движение одного конкретного призрака, динамичная картина настоящего с не завершающимся, а дядщимся действием.

Общая характеристика ССЦ представлена в таблице (табл. 1).

Таким образом, грамматическая структура предложения оформляет и формирует внутри себя единицу коммуникации. Произведение написано преимущественно с использованием форм прошедшего времени, и формы других времён появляются намеренно: с их помощью представлены действия призраков. Согласно сюжету произведения, из-за своего празднословия Иудушка погубил всех указанных господ. Однако на этапе представления указанного ССЦ сам он ещё является живым персонажем. Благодаря перемене темпоральной характеристики создаётся эффект статичной картинке, характеризующей влияние Иудушки на окружающих.

Таблица 1 / Table 1

Анализ ССЦ / Analysis of overphrasian unity

№ предложения	Персональность	Модальность	Темпоральность
1	3 лицо [умервтия]	субъективная достоверности [казалось]	отмеченное прошедшее синтаксическое время имперфективное [выползали]
2	–, 3 лицо [призраки]	нейтральная	неотмеченное настоящее синтаксическое время имперфективное [шевелиются]
3	3 лицо [все господа]	нейтральная	неотмеченное имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время
4	3 лицо [всё это]	нейтральная	неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время
5	3 лицо [призрак, призрак]	нейтральная	неотмеченное настоящее синтаксическое время имперфективное [витаает]

Источник: составлено автором.

Так появляются и сцена, и актёры.

Категория персональности помогает обозначить их в тексте. Именно благодаря введению термов читатель может увидеть действующие лица, и определение каждого из них необходимо для анализа деятельности.

Их действия представляются активными, т. е. существующими в реальном времени: читатель видит, будто бы они сейчас витают над помещьем.

Живого персонажа – Иудушку – автор также изображает в виде призрака. Очевидно, для Салтыкова-Щедрина важно представить такую идею, что подобные люди должны остаться в прошлом, и это ему успешно удаётся.

Заключение

На основе вышеприведённого анализа можно заключить, что у мира, описываемого в литературном тексте, есть черты симуляции: он имеет чёткую цель – представить мнение автора читателю, в нём созданы определённые места действий, есть обитатели, и категория времени организует и декорации, и актёров. Однако у мира литературного текста есть особен-

ность: его автор может вмешиваться, показывая своё мнение.

Такой взгляд на текст позволяет увидеть, что синтаксис организует мысли автора и материализует их в такую форму, которая сама имеет некоторое значение. Её анализ может детализировать характеристику литературных персонажей. Для этого необходимо в выбранном фрагменте текста уточнить смысл: 1) установить, в каком месте действует персонаж (и почему); 2) выделить все действующие лица, обозначив, как проявляется категория персональности; 3) определить время действия всех указанных лиц; 4) проверить наличие формальных показателей субъективной модальности. Такое исследование поможет максимально точно определить смысл текста.

Единицы синтаксиса математичны, а, согласно многим учёным, например, Ш. Яу и С. Надис [12], именно с помощью точных наук можно познать мир. Вероятно, «общество потребления» сможет лучше постичь организацию порядка вещей, если будет изучать лингвистическую материю логически, т. е. с опорой на синтаксис.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: ЛКИ, 2007. 384 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 226 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
4. Бушмин Е. С. Эволюция сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1984. 344 с.
5. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М.: Изд-во Московского университета, 1953. 506 с.
6. Кулакова В. А. Роль темпоральности в создании образа персонажа (на примере Иудушки Головлёва) [Электронный ресурс] // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: материалы Всероссийской конференции студентов, посвящённой 140-летию со дня рождения Л. В. Щербы, Москва, 18 декабря 2020 г. М., 2020. С. 98–104.
7. Лекант П. А. Модальность и вводность // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 124–126.
8. Мичио К. Параллельные миры: об условиях мироздания, высшем измерении и обустройстве космоса / пер. с англ. М. Кузнецовой. М.: София, 2008. 416 с.
9. Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 60–67.
10. Шаповалова Т. Е. К проблеме осложнения простого предложения // Семантическая структура слова и высказывания: межвузовский сборник научных трудов. М.: Московский педагогический университет, 1993. С. 115–120.
11. Шаповалова Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением как фрагмент темпоральной системы русского языка // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика: межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ имени Крупской, 1990. С. 159–165.
12. Яу Ш., Надис С. Теория струн и скрытые измерения Вселенной / пер. А. Мороз, И. Ружмайкиной, В. Семиных. СПб.: Питер, 2013. 400 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Proposition and Its Meaning: Logical and Semantic Problems]. Moscow, LKI Publ., 2007. 384 p.
2. Baudrillard J. *Le système des objets* (Rus. ed.: Zenkin S., transl. *Sistema veshchei*. Moscow, Rudomino Publ., 1999. 226 p.).
3. Baudrillard J. *Simulacres et simulation* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.).
4. Bushmin E. S. *Evolutsiya satiry M. E. Saltykova-Shchedrina* [The Evolution of M. E. Saltykov-Shchedrin's Satire]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 344 p.
5. Efimov A. I. *Yazyk satiry Saltykova-Shchedrina* [The Language of the Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow, Moscow University Publ., 1953. 506 p.
6. Kulakova V. A. [The Role of Temporality in Creating the Image of a Character (On the Example of Iudushka Golovlyov)]. In: *Leksikologiya i grammatika russkogo yazyka i stilistika khudozhestvennogo teksta: materialy Vserossiiskoi konferentsii studentov, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya L. V. Shcherby, Moskva, 18 dekabrya 2020 g.* [Lexicology and Grammar of the Russian Language and Stylistics of a Literary Text: Materials of the All-Russian Conference of Students Dedicated to the 140th Birthday of L. Shcherba, Moscow, December 18, 2020]. Moscow, 2020, pp. 98–104.
7. Lekant P. A. [Modality and Introductory]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2002, pp. 124–126.
8. Michio K. *Parallel Worlds. A Journey Through Creation, Higher Dimensions, and the Future of the Cosmos* (Rus. ed.: Kuznetcova M., transl. *Parallel'nye miry: ob usloviyakh mirozdaniya, vysshem izmerezhenii i obustroistve kosmosa*. Moscow, Sofiya Publ., 2008. 416 p.).
9. Shapovalova T. E. [Nominative Sentences with Determining Word Forms in I. Bunin's Poetic Texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 4, pp. 60–67.
10. Shapovalova T. E. [On the Problem of Complication of a Simple Sentence]. In: *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantic Structure of Words and Statements: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1993, pp. 115–120.

11. Shapovalova T. E. [Prepositional Case Forms with Temporal Meaning as a Fragment of the Temporal System of the Russian language]. In: *Leksicheskaya, slovoobrazovatel'naya i sintaksicheskaya semantika: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Lexical, Derivational and Syntactic Semantics: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. Krupskaya Publ., 1990, pp. 159–165.
12. Yau S., Nadis S. The Shape of Inner Space: String Theory and the Geometry of the Universe's Hidden Dimensions (Rus. ed.: Moroz A., Ruzmajkina I., Semin'ko V., transl. *Teoriya strun i skrytye izmereniya Vselennoi*. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 400 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулакова Вероника Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: va.kulakova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika A. Kulakova – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Named after P. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: va.kulakova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулакова В. А. Создание реальности внутри искусственного мира: художественное произведение как симуляция (на примере романа «Господа Головлёвы») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29

FOR CITATION

Kulakova V. A. Creating Reality Inside the Unreal World: Literary Text as a Simulation (On Example of M. E. Saltykov-Shchedrin's Novel "The Golovlevs"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29